

Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938)

А. Ясницкий

Настоящая статья непосредственно предшествует публикации архивных материалов докладов П. Я. Гальперина и П. И. Зинченко на научной сессии Харьковского государственного педагогического института в 1938 г. и задает исторический контекст этого научного форума и выступлений харьковских психологов. Автор обсуждает языковые особенности научного дискурса в Советском Союзе 1930-х гг. и вводит понятие «научного двоеречия», возникающего в результате ориентации автора научного текста на «двойного адресата» научного сообщения в лице органов государственной цензуры, с одной стороны, и собственно научной аудитории — с другой. Также вводится гипотеза об анонимном коллективном соавторстве («квазипсевдонимности», по Б. Мещерякову) ряда научных текстов того времени, традиционно атрибутируемых только одному из действительных авторов. Наконец, в статье обсуждается время зарождения научного конструкта «Харьковская психологическая школа» и предполагаемый приоритет Д. Б. Эльконина в создании этого понятия.

Ключевые слова: Харьковская психологическая школа, Харьковская педагогическая школа, методология истории науки, научные практики, дискурс, двоеречие, анонимное коллективное соавторство, квазипсевдонимность, психология памяти, П. И. Зинченко, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, А. С. Залужный.

*Sedulo curavi humanas actiones
non ridere, non lugere neque detestari,
sed intelligere*

Настоящий очерк преследует две цели. Во-первых, он является непосредственным продолжением исследования по истории Харьковской школы психологии [35; 53; 54]. Во-вторых, он служит введением к публикации в этом номере журнала Культурно-историческая психология архивных материалов первой научной сессии Харьковского государственного педагогического института (ХГПИ)¹ и потому задает недостающий исторический контекст этого события в истории отечественной психологии.

Кроме того, автор ставит своей целью дополнить существующие исследования истории отечественной психологии, проводимые преимущественно в традиционном русле либо биографической истории, либо истории идей. Очень характерной в этом отношении представляется ремарка из недавней публикации в этом журнале: «Мы опускаем весьма драма-

тическую и все еще до конца не проясненную *лично-стную сторону* развития культурно-деятельностной психологии, анализ которой можно найти в ряде источников..., остановимся лишь на *предметно-логическом аспекте* ее развития» [30]. Очевидно при этом, что и фактографическая история (например, [35]), которая преодолевает некоторые недостатки этих двух направлений исторических исследований, все же бессильна перед проблемой объяснения каузальности и интерпретации событий в истории науки. Альтернатива этим трем заслуженным традициям исторического исследования видится в изучении социальной истории науки и особенно научной практики (scientific practices, “doing science”). Наука при этом понимается как «совместная духовно-практическая деятельность, обязательно преобразующая мир, исходящая из определенных сверхзадач и рабо-

¹ См. список важнейших аббревиатур в конце статьи.

тающая на цели, выходящие за узконаучные рамки» [32, с. 32]. При таком понимании «практика и теория действительно выступают как неразрывные формы одного и того же целостного действия по преобразованию и созиданию мира — именно в силу их неизбежной созидательной направленности на мир» [там же]. Традиция исследований научной практики (activities, practices) в широком социокультурном контексте имеет уже достаточно долгую историю [44; 47–49]. Основной упор в подавляющем большинстве этих работ делался на исследовании экспериментальной практики производства научного знания и артефактов. Однако до сравнительно недавнего времени в сферу интересов историков науки не попадала «социальная практика» создания официальных организаций и неформальных научных объединений, привлечения власти имущих спонсоров и покровителей науки, карьерного продвижения и назначения на руководящие должности в научной иерархии, научных ритуалов, научных контактов и стратегий публикации научных исследований, традиций научного дискурса и т. п. [48]. Игнорирование «социальной практики» науки того времени затрудняет адекватное понимание целого ряда вопросов истории отечественной психологии, некоторые из которых (например, механизмы порождения научного текста и вопросы авторства) получают предварительное освещение в этом кратком обзоре.

Следует заметить, что Харьков, занимающий сейчас достаточно скромное место на карте Европы, был в 1920–1930-е гг. крупным и быстро развивающимся городом, что не в последнюю очередь определялось его статусом столицы Советской Украины с декабря 1919 по июнь 1934 г. и подкреплялось столичным городским бюджетом. Однако 21 января 1934 г. XII съезд КП(б) Украины принял решение о переносе столицы, а 24 июня 1934 г. правительство Украины переехало из Харькова в Киев, что окончательно закрепило за Харьковом ностальгический статус «первой столицы» и, фактически, положение вечно второго города Украины в советскую эпоху.

ХГПИ был образован 1 сентября 1933 г. на основе Всеукраинского института народного просвещения им. Скрипника (Всеукраїнський Інститут Народної Освіти ім. М. О. Скрипника) в результате постановления коллегии Наркома просвещения о реорганизации системы педобразования. Сталинский «Великий Перелом», провозглашенный в 1929 г., ознаменовал начало новой эпохи тотальной мобилизации человеческих ресурсов и создания новых административно-хозяйственных структур. Десятилетие 1930-х гг. проходит под знаком усиления контроля за наукой, взаимопроникновения науки и государст-

венно-партийных органов и создания «Сталинистской науки» в Советском Союзе [48]. Вполне в духе эпохи великих свершений в начале 1930-х гг. по всей стране проходят процессы реорганизации старых и появления новых учебных и научно-исследовательских заведений, таких как, например, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ, 1929), Экспериментальный дефектологический институт (ЭДИ, 1929), Институт языка и мышления (1931), Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ, 1932), Украинская психоневрологическая академия (1932) или Харьковский педагогический институт (1933). За годы первой пятилетки (1928–1932) количество научных институтов по всей стране выросло наполовину, с 1263 до 1908, из них число научно-исследовательских институтов увеличилось с 438 до 1028 [9, с. 244]. При этом примечательно, что за период с 1929 по 1931 г. административный аппарат науки разросся восьмикратно (!) с 362 до 2903 управленцев в науке [12, с. 116–117].

Это было очень непростое время для Украины, время огромных социальных потрясений и колоссальных человеческих жертв². Вместе с тем на фоне коллективизации и индустриализации, невыполнения плана хлебозаготовок в Украинской ССР, голода на юге СССР, продолжающейся централизации власти и дальнейшей бюрократизации всех общественных институтов проходит смена руководства в высших эшелонах власти в стране, и в частности в Украинской республике. В 1927–1933 гг. за «националистический уклон» был подвергнут критике нарком образования Украины Н. А. Скрипник. В разгар кампании по борьбе с национализмом Скрипник, обвиненный в «буржуазном национализме», покончил с собой в своем кабинете 7 июля 1933 г. В 1933–1934 гг. среди украинской интеллигенции прокатилась волна арестов по обвинениям в национализме. Так, например, в это время были арестованы видные ее представители, связанные с харьковскими психологами, такие, как один из лидеров отечественной дефектологии и сурдотифлопедагогики И. А. Соколянский (об истории двух арестов Соколянского в 1930-е гг. см.: [3]), первый учитель А. В. Запорожца (об ученичестве Запорожца см.: [14]), основатель и режиссер театра «Березиль» Л. Курбас, драматург «Березиль» М. Кулиш и многие другие.

Первые психологи были зачислены в штат Харьковского педагогического института как раз в разгар кампании по борьбе с «национализмом». Приказом по институту от 5 сентября 1933 г. был утвержден профессорско-преподавательский состав, в числе прочих восьми сотрудников кафедры педологии — профессор

² Из воспоминаний психолога А. А. Катаевой-Венгер о жизни в Харькове в 1932–1933 гг.: «Стояла жестокая зима. Толпы опухших от голода, умирающих людей хлынули в город. Они просили хлеба. Всюду, всюду горожан преследовали протянутые руки. Дома к нам в дверь непрерывно звонили. На звонок, как правило, выглядывала мама. Она смотрела на просящего и либо отказывала и говорила при этом страшные слова: "Этому уже не поможешь", либо говорила: "А вот этому надо дать", и выносила кусок, который был предназначен нам на ужин, хотя и понимала прекрасно, что это капля в море. По утрам на лестнице нашего дома и на всей площади по пути к школе лежали трупы — мужчин, женщин, детей. К тому моменту, как я возвращалась из школы, их убирала, все было чисто и свободно. А натро все повторялось снова...» [16].

психологии А. Н. Леонтьев и доцент психологии В. И. Аснин. Уже с 1 октября кафедры психологии была выделена в самостоятельную организационную единицу. Первыми сотрудниками кафедры стали профессор и заведующий кафедрой Леонтьев, доценты Аснин и Запорожец, а также ассистенты кафедры О. М. (А. М.?) Герасименко и Г. Д. Луков.

Осенью 1933 г. волна репрессий дошла и до ХГПИ. Приказом по институту были сняты с занимаемых должностей проф. Гарбуз (зав. кафедрой педагогики, который «систематически своими классово-враждебными и вредными «теориями» пытался сорвать реализацию политической школы»), проф. Ярославский (зав. кафедрой внешкольного образования, уволен как «носитель классово-враждебных, буржуазно-националистических теорий») и проф. Залужный (зав. кафедрой педологии, уволен как «носитель право-оппортунистических, национал-фашистских теорий»). В 1933 г. особую известность получает выражение «Харьковская школа». При этом весьма примечателен тот факт, что эта «Харьковская школа» начала 1930-х гг. не имела ничего общего с общеизвестным кругом психологов, объединившимся вокруг А. Н. Леонтьева в Харькове (см., например: [29; 30]). Более того, как мы увидим ниже, группа Леонтьева находилась в явной оппозиции к членам этой «Харьковской школы». Из приказа по ХГПИ от 13 декабря 1933 г.: «Проф. Залужный А. С. в своих теоретических работах допустил целый ряд право-оппортунистических, буржуазно-националистических ошибок. Возглавляя так называемую “Харьковскую школу”, после ее решительной критики не только не признал открыто классовую враждебность ее теории, а напротив, уже в 1933 г. допустил публикацию под своей редакцией и при [своем] непосредственном участии учебника педологии, в котором Залужный не только остался на старых позициях, а продолжал их, скатываясь на левачки и буржуазно-националистические позиции. Кафедра педологии, во главе которой стоял Залужный, не организовала до настоящего времени критики своих ошибок перед массой преподавателей и студенчества, ограничившись неверной и неполной критикой внутри кафедры. Проф. Залужного как носителя право-оппортунистических, национал-фашистских теорий от руководства кафедрой и от преподавания педологии в институте освободить». В ХГПИ прозвучали лишь отголоски антискрипниковской кампании, в то время как основной удар пришелся на Украинский научно-исследовательский институт педагогики (УНДИП). Из отчета ЦКК КП(б)У о работе между XI и XII съездами КП(б)У (т. е. с июня 1930 до января 1934 г.): «Украинский научно-исследовательский институт педагогики был также запятнан националистическими пет-

люровскими элементами, 30 % научных работников были контрреволюционными шпионами и вредителями» (цит. по: [39]).

Психологи, казалось, были в относительной безопасности. А. Н. Леонтьев в устной автобиографии, надиктованной сыну в 1976 г., так описывал эту ситуацию: «[Зима 1933/34 годов прошла без особых событий.] Наиболее заметны были антискрипниковские события — Скрипник был наркомом просвещения Украины, насаждал антисоветизм и национализм. В частности, выписал для украинских школ преподавателей с Западной Украины (таким образом, рассадил агентуру!). Кончил жизнь самоубийством... Но, слава Богу, мы не имели ничего общего со Скрипником (были в системе Наркомздрава, президентом Психоневрологической академии была Затонская³)» [23, с. 378]. Все же, думается, что в результате изменения идеологического вектора и тектонических сдвигов в структуре власти в Украинской республике опасность увольнения и преследований все же существовала и могла послужить одной из причин отъезда из Харькова А. Р. Лурия (весной) и А. Н. Леонтьева (осенью 1934 года). И в самом деле, урон, нанесенный украинской интеллигенции в начале 1930-х гг., был огромен. В целом на протяжении 1931—1933 гг. за «контрреволюционные преступления» в УССР были привлечены к ответственности 16 771 человек, из них 6164 исключены из партии [39]. При этом потери украинских культурно-творческих кадров составляли около двух третей их численного состава. Лишь на протяжении 1932—1933 гг. число научных сотрудников в Украинской республике уменьшилось на 1649 человек, что привело к острой нехватке научных и профессиональных кадров [37], вызвало необходимость форсированной подготовки новых специалистов и, в свою очередь, привело к формированию представителей когорты так называемой «красной профессуры» [39]. Впрочем, причина отъезда этих двух ученых в Москву могла быть гораздо более прозаична, и определенную роль тут могла сыграть утрата Харьковом столичного статуса и постепенное сокращение финансирования научных исследований в этом городе.

В августе 1934 г. прошла очередная реорганизация ХГПИ, и педология с психологией оказались организационно объединены в одну кафедру психологии и педологии. Можно предположить, что такое сближение этих двух наук должно было вызывать определенную озабоченность у психологов ввиду того, что предыдущим руководителем кафедры педологии был *persona non grata* Залужный и что кампания по борьбе с «националистическим уклоном» продолжалась и набирала обороты. В этом контексте в декабрьском номере журнала «Комуністична освіта» (Коммунистическое просвещение) под рубрикой «За большевистскую расчистку педагогического фронта» вышла статья молодого харьковского психолога П. Зинченко «Харьковская педагогическая

³ Елена Самойловна Затонская (Раскина), по образованию врач, жена сменившего Скрипника на посту наркома просвещения В. П. Затонского (нарком просвещения Украины с февраля 1933 г. до ареста в ноябре 1937 г.). Была первым президентом Украинской психоневрологической академии (УПНА) от основания академии в 1932 г. до переезда членов украинского правительства и их семей в Киев в 1934 г. В 1934—1937 гг. возглавляла Украинский НИИ травматологии и ортопедии. Вместе с мужем была арестована в 1937 г.

школа» и психология [38], оказавшаяся первой публикацией этого мало кому известного в ту пору автора. К 1934 г. П. И. Зинченко уже закончил аспирантуру в УНДИПе и совмещал работу в этом исследовательском институте (до июня 1936 г.) с преподаванием в Харьковском государственном институте иностранных языков (ХГПИИЯ) (с мая 1934 г.). Статья эта очень непростая, и именно в интерпретации таких текстов, как этот, и биографический, и интерналистский подход к истории науки оказываются очевидно несостоятельны. И вправду, с позиций современного дня и без учета реальных научных «новоязов» и ритуалов того времени эта статья предстает погромной. В то же время этот текст выстроен по канонам критической статьи середины 1930-х гг. и фактически повторяет все основные речевые формулы партийного жаргона, стремительно проникавшего в научный дискурс того времени (см.: [48]): здесь есть и обвинения в фальсификации учения Маркса, и в антиленинских позициях в психологии, и в «воинствующем биологизме» в работах Залужного и Соколянского, ставших главными объектами критики молодого автора, и даже в фашистских установках в педагогике в работах этих двух авторов⁴.

Здесь, пожалуй будет, уместен краткий исторический комментарий. Национал-социалисты пришли к власти в Германии 30 января 1933 г. и с этого времени в Советском Союзе вышла целая серия статей с критикой фашистских установок в психологии в Германии и за ее пределами. Так, например, в статье Л.С. Выготского «Фашизм в психоневрологии» из одноименного сборника 1934 г. [7] можно найти критику «фашизма в психологии», «кулацкой идеологии», «острого и гнилостного разложения научной мысли» и «процессов загнивания» немецкой психологии, ставшей на путь сотрудничества с нацизмом. Помимо этого, автор предвещает «страшное обострение классовый борьбы в науке вообще и в психологии в частности» [7, с. 28], которое должно наступить в результате внедрения идеологии фашизма в науку. В этой же статье автор пронизательно подмечает слияние науки и тоталитарного государства и подчеркивает добровольность и активность ученых в процессе политизации науки: «Счастливая Германия! Ей не пришлось по совету Скалозуба фельдфебеля в

Вольтеры дать. Фашистские Вольтеры сами охотно переплодотворились в фельдфебелей немецкого национального движения» [там же, с. 20]. Думается, что двусмысленность этого утверждения и неоднозначность адресации статьи в целом очень характерны для новояза советской науки, складывавшегося на протяжении 1920—1930-х гг. (ср. комментарий к публикации английского перевода статьи Выготского [52, с. 335—336])⁵.

Предметный и детальный анализ критического текста П. И. Зинченко на фоне научного дискурса и партийного жаргона того времени представляется исключительно интересным и важным и выходит за рамки этой статьи. Следует лишь отметить, что первая статья Зинченко выпадает из ряда критических статей того времени в адрес представителей «Харьковской школы». В отличие от статей целого ряда других авторов, быстро отозвавшихся на запрос времени и опубликовавших свои гневные эскапады в адрес харьковских буржуазных националистов в конце 1933 — начале 1934 г., статья Зинченко несколько «запоздала» и была опубликована лишь в декабре 1934 г. Несмотря на полемический задор и использование весьма своеобразной фразеологии воинствующей и бичующей критики того времени, автору удалось удержаться в рамках научного обсуждения теоретических и методологических вопросов. Огульная критика националистического уклона у других авторов, граничащая с политическим доносом, разительно контрастирует с разбором рефлексологических установок в работах Залужного и, в меньшей степени, Соколянского. Лейтмотивом статьи Зинченко становится полемика с этими авторами по целому ряду положений, таких, как понятие рефлекса, используемое для объяснения всего многообразия форм поведения человека, и призыв «отбросить всякий психологизм» (Соколянский), альтернатива либо физиологического, либо социологического редукционизма в изучении общественного поведения человека (Залужный)⁶, призыв к изучению поведения, понимаемого как совокупность рефлексов, и целенаправленное игнорирование сознания как объекта исследования (Залужный)⁷. Можно предположить, что публикация статьи П. Зинченко в конечном счете

⁴ Образцы партийной фразеологии и публичной критики националистического уклона того времени можно найти в выступлениях на XVII съезде ВКП(б), например, в докладах Сталина, Косиора, Чубаря или Постышева [1].

⁵ Из других «антифашистских» публикаций того времени следует также отметить ряд статей таких авторов, как И. Н. Шпильрейн, А. Р. Лурия, М. А. Левина и др.:

Шпильрейн И. Н. Фашизация немецкой науки // Советская психотехника. 1933. № 3.

Лурия А. Р. Психология рас и фашистская наука // Фронт науки и техники. 1933. № 12.

Лившиц Е. Фашизация школы в Германии // Коммунистическая революция. 1934. № 5.

Соколова А. О преподавании истории в фашистской Германии // Борьба классов. 1934. № 5—6.

Левина М. (1936). Фашизация науки о личности и воспитании в Германии // Под знаменем марксизма-ленинизма. 1936. № 2—3.

Кольман Э. Чернототенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // Под знаменем марксизма. 1936. № 11.

⁶ Зинченко приводит цитату из работы Залужного, в которой тот утверждает, что «только физиология и рефлексология, как науки об анатомо-физиологических механизмах поведения, с одной стороны, и социология — с другой, являются теми научными дисциплинами, на которые непосредственно может опираться практическая наука об организации поведения человека и человеческого коллектива».

⁷ Еще цитата из книги Залужного «Учение о коллективе» [13]: «Основным объектом изучения живых существ будет изучение их реакций или изучение их поведения, которое составляет из простых рефлексов, безусловных или условных, из сложившихся цепных рефлексов, будь это унаследованные инстинкты или условные выработанные рефлексы, или так называемые целесообразно приспособленные "сознательные" ([П. И. Зинченко:]!) акты поведения. Эти последние нас тут наиболее интересуют» (с. 43). Из другого места: «Сознания как врожденной сущности человека для него (Маркса) не существует ([П. И. Зинченко:]!), а есть только поведение конкретных людей, которое в обществе приобретает [sic] характер "сознательного" поведения", и далее: "если мы хотим остаться на строго научной почве, то мы должны ограничиваться изучением только того, что мы наблюдаем в поведении" (там же, с. 36—57).

выполнила стратегически исключительно важную роль в становлении харьковских психологов, которые последовательно дистанцировались как от педологии и рефлексологии, так и от других политически неблагонадежных направлений исследований.

По всей видимости, стратегия на размежевание была выбрана верно, и в 1934—1936 гг. штат кафедры психологии ХГПИ пополнился такими сотрудниками, как В. В. Мистюк (ассистент) и П. И. Зинченко (и. о. доцента) — оба с 1934 г., К.Е. Хоменко (доцент) и Д. М. Арановская (аспирант) — обе с 1935 г., а также А. И. Розенблюм, П. Я. Гальперин (доценты, оба работали временно и были зачислены с почасовой формой оплаты) и Л. И. Котлярова (лаборант, зав. кабинетом психологии) — с 1936 г. Примечательно, что все эти назначения проходят параллельно с увольнениями работников, запятнанных сотрудничеством с «Харьковской школой», таких, как доц. кафедры педологии Година, проф. педологии П. Ю. Волобуев или и. о. проф. психопатологии Е. Г. Уринсон (все — до конца 1934 г.). Таким образом, к выходу постановления ЦК партии о педологических извращениях летом 1936 г. в штате института насчитывалось не менее десяти психологов (Леонтьев, Аснин, Запорожец, Луков, Хоменко, Розенблюм, Гальперин, Мистюк, Котлярова и Арановская), совмещавших преподавание в педагогическом институте с исследовательской работой в УПНА и УНДИПе. Стратегия размежевания с педологами неожиданно оказалась особенно верной после постановления о педологии. При том что в августе-сентябре 1936 г. кафедра психологии потеряла лишь трех сотрудников-почасовиков с формулировкой «в связи с отсутствием нагрузки» (доценты Зинченко, Гальперин и Розенблюм), кафедра педологии, которая к тому времени, очевидно, была опять выделена в самостоятельную организационную единицу, была ликвидирована в полном составе (проф. С. Г. Рубинштейн, Бродская, Рудченко, Резенко, Мандзюк и Розовский).

Не так благополучно обстояли дела у психологов в УПНА. Во второй половине 1936 — начале 1937 г. Академия была реорганизована и переименована в Украинский психоневрологический институт (УПНИ). Это событие интерпретируется разными авторами по-разному. Одни пишут о «разгроме УПНА», в ходе которого инициатор создания сектора психологии и его директор с 1934 г., второй президент УПНА (с 1934 по 1937 г.), Леон Лазаревич Рохлин был арестован, а должность президента Академии упразднена [27; 46]. Вместе с тем существуют отчеты о ее «реорганизации в Украинский психоневрологический институт, в котором были в основном сохранены без деления на отдельные институты структурные единицы академии» [5; 6]. Так или иначе, реструктуризация УПНА заметно сказалась на психологических исследованиях в этой организации: из всего сектора психологии уцелел лишь один отдел клинической психологии, впоследствии переименованный в лабораторию клинической психологии.

Тем временем, летом 1934 г. УНДИП переехал в новую столицу Украины — Киев, а оставшаяся в Харькове структура получила название Харьковского научно-исследовательского института педагогики (ХНИИП). ХНИИП был на протяжении некоторого времени местом работы харьковских психологов. Так, к примеру, редакторы Хрестоматии по возрастной и педагогической психологии И. И. Ильясов и В. Я. Ляудис сообщают, что свой программный доклад «Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии» А. Н. Леонтьев сделал 17 марта 1935 г. на пленуме этого института. И все же из-за недостатка финансирования, людских ресурсов и слабой поддержки в республиканских правительственных кругах ХНИИП медленно затухал и просуществовал еще всего два года до своего окончательного закрытия в конце 1936 г. — начале 1937 г. [43, с. 70]. Думается, далеко не последнюю роль в закрытии ХНИИП и отделов теоретической, генетической и общей психологии УПНА сыграло и постановление о педологических извращениях в системе наркомпросов и новый виток преследований «буржуазных националистов».

Таким образом, к началу 1937 г. основной базой психологических исследований в области детской психологии, психологии образования и развития в Харькове стала кафедра психологии ХГПИ. Кафедрой психологии, которой беспрерывно руководил А. Н. Леонтьев с ее основания в 1933 г. до 1 декабря 1937 г., с конца 1937 — начала 1938 года кафедру возглавлял А. В. Запорожец. Впрочем, если исходить из того, что А. Н. Леонтьев в автобиографии, написанной в 1960-е гг., указывал период своей жизни в Харькове как 1931—1936 гг. [22], есть основания считать, что фактически руководить кафедрой психологии ХГПИ Запорожец начал еще раньше.

Большой террор, начавшийся показательным открытым судебным процессом по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» 19—24 августа 1936 г., затронул и психологов Харьковского педагогического. Из воспоминаний жены А. В. Запорожца Т. О. Гиневской известно, что «в течение двух кошмарных месяцев каждые два дня Александр Владимирович вызывался к следователю по политическим делам, который по несколько часов уговаривал его подписать протокол, из которого следовало, что Александр Владимирович является членом «вредительской» группы, собиравшейся выступить против советской власти... Шесть раз мы прощались навсегда... Мы были уверены в вечной разлуке, только Сашу почему-то каждый раз отпускали домой» [8, с. 23]. В. И. Аснин попал под огонь критики по делу о «вражеской агентуре» в ХГПИ, по обвинению в связи «с организатором националистической банды в УНДИПе» [41, с. 171]. Анатолий Розенблюм, «научный работник по психологии» и сотрудник Полтавского педагогического института, был арестован 29 января 1938 г. как «активный участник антисоветской эсеровской террористической организации» и 22 сентября 1938 г. приговорен к высшей мере нака-

зания. В тот же день приговор был приведен в исполнение [25]⁸. Там же и тогда же, в Киеве 22 сентября 1938 г., был приговорен к расстрелу и бывший глава «Харьковской школы» Александр Самойлович Залужный [41, с. 146].

Таковы основные вехи предыстории и исторический контекст Первой научной сессии Харьковского государственного педагогического института 1938 г., важном событии в истории отечественной психологии, о котором нам по сей день известно ничтожно мало. Научная сессия ХГПИ проходила с 17 по 19 декабря 1938 г. В работе объединенной сессии педагогики и психологии приняли участие 62 человека, из них 16 гостей, приехавших из Москвы, Ленинграда, Полтавы, Сум, Ворошиловграда, Артемовска, Тирасполя, Кировска и Запорожья. Помимо одного пленарного доклада 17 декабря, еще семь докладов по психологии состоялись 18 декабря. На пленарном заседании 17 декабря с докладом на тему «Развитие психики у ребенка» выступил А. Н. Леонтьев. 18 декабря на вечернем заседании секции педагогики и психологии под председательством Леонтьева прозвучали следующие доклады психологов: «Об условиях образования представления» (Запорожец); «Психология и патопсихология» (Лебединский); «К вопросу об условиях надежности психологического исследования интеллекта» (Аснин); «Понимание художественного образа детьми младшего возраста» (Хоменко); «К вопросу об осознании ребенком речи в процессе игры» (Луков); «Учение о памяти» (Гальперин) и «Проблема непроизвольного запоминания у ребенка» (Зинченко). На следующий день А. Н. Леонтьев в работе научной сессии ХГПИ участия не принимал, а продолжение прений по докладам предшествующего дня на заседании секции педагогики и психологии 19 декабря проходило под председательством А. В. Запорожца. В прениях 18 и 19 декабря выступили Эльконин, С. Л. Рубинштейн, Богословский, Божович, Катков, Арановская и др. С заключительным докладом на пленарном заседании 19 декабря от секции педагогики и психологии выступил А. В. Запорожец. В этом номере журнала Культурно-историческая психология публикуются два последних доклада секции психологии (т. е. доклады Гальперина и Зинченко о памяти)⁹. Следует, пожалуй, разъяснить, почему публикация этих архивных материалов 1938 г. может представлять интерес для современных психологов и историков науки.

Начнем с того, что публикация архивных материалов всегда интересна уже потому, что редкие и малоизвестные материалы становятся доступными широкой читательской аудитории. Особенно это верно в том случае, когда такая публикация может пролить свет на события и процессы, которые разные иссле-

дователи описывают как «лакуну « [45] или «белое пятно в историографии психологии» [29]. Впрочем, это, пожалуй, верно в отношении любых публикаций архивных материалов того времени.

Важность архивных материалов научной сессии ХГПИ объясняется еще и тем обстоятельством, что в декабре 1938 г. состоялась первая официальная презентация результатов целой серии многолетних исследований харьковской группы. До того времени только единицам было доступно все богатство психологических исследований, проводимых в Харькове с 1932 г., когда первая группа психологов обосновалась в исследовательских институтах города (см.: [35; 53]). Таким образом, рождение «Харьковской школы психологии» фактически состоялось в момент первой публичной презентации результатов серии оригинальных харьковских исследований. Впрочем, об этом несколько позже. Кроме того, чрезвычайно интересно сопоставить эти два текста, которые разрабатывают тему психологического исследования обучения и памяти. Примечательно, что эти доклады, публикуемые нами, представляют их авторов (П. Я. Гальперин и П. И. Зинченко) в контексте коллектива единомышленников и сотрудников, а не главами разных психологических школ, возникших уже в послевоенный период.

И все же именно эта публикация представляет для нас значительный интерес как источник, дающий важнейший материал для размышления о внутренней механике научного производства группы исследователей-«выготчан» во второй половине 1930-х гг. Контекст презентации этих докладов исключительно важен. В отличие от дошедших до нас публикаций того времени, прошедших цензуру и получивших одобрение в органах Главлита (главное управление по делам литературы и издательств, организация, проводившая цензуру всей печатной продукции в стране), эти тексты передают живую речь докладов, сделанных в сравнительно неформальных условиях для сравнительно небольшой группы специалистов. При этом очень существенно, что целый ряд исследований, прозвучавших в виде устных докладов на сессии ХГПУ в декабре 1938 г., был вскоре опубликован в харьковских научных изданиях. Доклад Зинченко о непроизвольном запоминании, вероятно, объединенный с некоторыми местами из доклада Гальперина, был опубликован в Научных записках ХГПИИЯ [15], а доклад Лукова об осознании ребенком речи в процессе игры — в Научных записках ХГПИ уже в 1939 г. [40]. Доклады Аснина об условиях надежности психологического эксперимента и Хоменко о понимании художественного образа детьми выходят в виде статей в Научных записках ХГПИ в 1941 г. [36; 42].

⁸ В своем докладе в 1976 г. А. Н. Леонтьев вспоминал об А. И. Розенблюме: «...и еще одно имя я хочу назвать. Я называл его, по-моему, только один раз в публикациях, в приложении последней книжки — это Анатолий Розенблом. К сожалению, он умер очень рано, едва проработав три—четыре года. Он тоже внес существенные разработки, идеи, представления» [21]. Автору этого очерка упоминания имени А. И. Розенблома в прижизненных публикациях А. Н. Леонтьева найти не удалось.

⁹ Выступление Д. Б. Эльконина в прениях по докладам психологов харьковской группы готовится к публикации в одном из следующих номеров этого журнала.

Публикуемые здесь материалы перекликаются с текстуальным анализом Б. Г. Мещерякова, выявившим «довольно строгую стратиграфию» статьи П. И. Зинченко (1939), где текст с признанием высоких заслуг Л. С. Выготского и исключительной важности и новаторства его работ перемежается с резко критическими пассажами, вставленными, по мнению Мещерякова, «для маскировки» [26; 50]. Сравнение разных версий, внутренней и публичной, одного и того же текста исключительно интересно и продуктивно для историка советской науки. Так, к примеру, известная критика Выготского в статье Зинченко 1939 г. никак не прозвучала в его же докладе 1938 г. Любопытно при этом, что критика работы Леонтьева по психологии памяти [20], озвученная в докладе Гальперина 1938 г., перекочевала в опубликованный текст Зинченко, но с существенными изменениями.

Таким образом, можно утверждать, что сравнительный анализ позволяет выявить некоторые механизмы, по выражению Иосифа Бродского, письма «на эзоповой фене», конструирования публичного текста при тоталитаризме и определить конкретно-исторические текстуальные формы существования советского научного «двоумыслия» (*doublethink*) и «новояза» (*newspeak*) [51]. К примеру, анализируя текст рецензии В. М. Боровского на Труды практической лаборатории по зоопсихологии (1928), написанный автором для читательской аудитории научного журнала «Психология» и, сравнивая его с критическими статьями того же автора, опубликованными в партийном органе Под знаменем марксизма (журнал основан в 1922 г. для пропаганды воинствующего материализма и атеизма), Кременцов указывает на сосуществование двух разных стилей научной критики в 1920-е гг. [48]. Марксистская терминология и воинствующий стиль критики партийных изданий у одного и того же автора резко сменяется традиционной научной критикой публикации в специализированном профессиональном и научном издании [там же, с. 27–29]. Впрочем, в начале 1930-х гг. различия между двумя типами изданий начинают стираться вплоть до полного стилистического единства, что и объясняет исключительную важность таких источников по истории науки 1930-х гг., как личная переписка, дневниковые записи, конспекты лекций и стенограммы выступлений.

Говоря о дискурсивных практиках (*discursive practices, pratiques discursives*) советских ученых, следует, пожалуй, различать партийный новояз советской эпохи

и тот научный дискурс, который авторы невероятными усилиями создавали в ответ на требования времени. Характерен фрагмент из воспоминаний об А. Н. Леонтьеве его внука Д. А. Леонтьева: «... Он был человеком с очень сильным внутренним контролем и он жил в таких хронотопах, в такие времена, где очень важно было очень сильно контролировать то, что ты думаешь, говоришь и пишешь. Существует даже легенда о том, что его как-то спросили: «Алексей Николаевич, почему Вы пишете так сложно, заковыристо, такими длинными фразами, в которые потом очень трудно проникнуть, осмыслить? Почему нельзя проще, прямее, яснее выражаться?» На что он ответил: «В свое время жизнь приучила меня писать так, чтобы нельзя было вырвать фразу из контекста и за нее посадить». Поэтому какие-то вещи, касающиеся, возможно, отношений с теми людьми, которые оказались персонами нон грата в Советской стране, например, Челпанов, Шпет и т.д., могли оказаться в зоне умолчания. Ему было о чем молчать и он, наверное, об очень многом молчал в своей жизни. Молчал, в том числе, и в семье, и дома» [24]. Ср. также: «Чтобы по достоинству оценить блестящее искусство Ф. В. Бассина как теоретика и полемиста, надо хорошо знать эпоху, в которую ему пришлось работать. Это было время, когда новые пути в науке и даже любые отклонения от принятых стереотипов, освященных авторитетом классиков марксизма-ленинизма, следовало облекать в идеологически приемлемые формы. В его лице отечественная психоневрология имела человека, настолько большей [*sic*] рефлексии, что он мог позволить себе дружелюбно трепать самых злых черберов цензуры, официальных и добровольных, беря их шкуру на шее, морде, загривке в складку, ласково заговаривая их бдительность. Необыкновенная непринужденность и изящество, с которыми он это проделывал, удивительно сочеталась с его насмешливо ироничным вольтеринским [*sic*] обликом» [28]. По аналогии с оруэлловскими неологизмами обозначим этот вид дискурса как явление научного «двоеречия» (*doublepeak, double-talk*), порождавшего многозначные научные тексты наподобие ранних критических статей Зинченко [15; 38], или, скажем, крайне ритуализированной и политизированной главы Выготского о фашизме в психоневрологии [7]. Следует при этом подчеркнуть совершенно спонтанный и в то же время сознательный и добровольный характер создания этого речевого стиля отечественной науки¹⁰ и его исключительно прогрессивную роль в условиях сталинской науки 1930–1950-х гг. Слово «двоеречие» не является изобретением автора

¹⁰ Спорным остается вопрос о корректности применения понятия «стиль» к описываемому здесь явлению. Языковеды зачастую рассматривают языковые явления в контексте речевого акта и текста как его результата. Речевой акт при этом понимается как объединение трех компонентов, таких как автор акта («отправитель», адресант), текст и воспринимающий акт («получатель», адресат) [31]. Соответственно, разделяется стилистика от автора («генетическая стилистика») как исследование авторского выбора речевых средств, замысла («идеи») и его исполнения (воплощения в текст), стилистика внутреннего построения самого текста и, наконец, «стилистика адресата, рассматривающая интерпретацию адресатом замысла отправителя речи, а также сам «образ адресата», или «фактор адресата», снова соприкасающийся с замыслом автора речи» (там же, с. 493). Автор этого очерка, к сожалению, не знаком с языковедческими работами, рассматривающими стилистику научного текста с учетом его адресации органам научной цензуры в контексте «языковой игры», в которую была вовлечена советская наука с 1920–1930-х гг. В нашем случае создается уникальная ситуация, когда автор научного дискурса (адресант) ориентируется одновременно на двух адресатов - собственно научную аудиторию, а также аппарат государственного контроля и институты цензуры. Более того, в случае советского «научного двоеречия» создается весьма непростая ситуация порождения и существования текста в треугольнике между автором и двумя адресатами сообщения (в литературе иногда встречается выражение «двойной» или «двойственный адресат»), причем далеко не очевидно, какой из них для автора важнее в той или иной ситуации.

этой статьи. Так, к примеру, более чем за 20 лет до Оруэлла его использовал Юрий Тынянов в своем романе «Смерть Вазир-Мухтара»: «Двоеверие, двоеречие, двоемыслие и между ними — на тонком мостике — человек» [33]. «Двоеречие» упоминают и Иосиф Бродский в своем отзыве на роман А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» [4], и Юрий Дружников в своей недавней книге «Дуэль с пушкинистами» [10]. Тем не менее именно в этой работе по истории советской психологии понятие «двоеречие» впервые используется терминологически.

Особое внимание автора этого очерка привлекла рукописная правка стенограмм выступлений на сессии, в особенности исключительна интересная правка доклада Гальперина, сделанная предположительно рукой А. Н. Леонтьева (см. комментарии к публикации докладов Гальперина и Зинченко в этом номере). Таким образом, публикуемые здесь стенограммы заседаний секций педагогики и психологии ХГПИ за 1938 г. дают нам основания для выдвижения гипотезы о совместном участии нескольких анонимных авторов в написании текстов. Ситуацию коллективного анонимного написания текстов описывала в своих устных воспоминаниях первая аспирантка кафедры психологии ХГПИ и участница психологических исследований под руководством А. В. Запорожца в 1930-е гг. Дебора Марковна Арановская (со слов харьковского психолога Е. В. Заики). К сожалению, в ее печатных работах по истории психологии (см., например, [2; 11]) это явление описано не было. Косвенное подтверждение этой гипотезы мы находим в мемуарах Д.Б. Эльконина: «Когда после Павловской сессии создалось положение, ставившее под сомнение существование психологии как самостоятельной науки со стороны наиболее агрессивно настроенных физиологов, Алексей Николаевич решил опубликовать статью о рефлекторной природе психики и привлек к работе А. В. Запорожца, П. Я. Гальперина, А. Р. Лурию и меня. На протяжении нескольких недель мы работали на квартире у А. В. Запорожца на ул. Грановского и коллективно, как Кукрыниксы, творили эту статью. Алексей Николаевич был центром этого коллектива, меня поражала острота его мысли и умение представить материал особенно убедительно. Никто не думал об авторстве, о собственном вкладе, работали во имя психологии...» [34, с. 249]. По всей видимости, Эльконин говорит об объединенной сессии Академии наук и Академии медицинских наук СССР, прошедшей с 28 июня по 4 июля 1950 г., и можно предположить, что текст, описанный Эльconiным, — это публикация 53 в списке работ А. Н. Леонтьева, Некоторые теоретические вопросы развития психологии на павловском этапе. М., 1952. — 57 с. (Стеклограф АПН РСФСР). Так или иначе, согласно последней, наиболее полной библиографии работ Леонтьева

[18], совместной публикации с Гальпериним, Запорожцем, Лурией и Эльconiным у него никогда не было. Мы можем предположить, что практика коллективного анонимного авторства в кругу харьковских психологов¹¹ близка технологии порождения научного текста в так называемом Круге Бахтина¹².

И, наконец, последнее. В свете многих публикаций о научных школах, так популярных в последние два-три десятилетия в отечественной истории психологии, представляется небезынтересным проследить истоки такого конструкта, как «Харьковская школа психологии». Это выражение было, скорей всего, введено в обращение 18 декабря 1938 г. ленинградцем Даниилом Борисовичем Эльconiным в его выступлении в прениях, посвященных обсуждению докладов харьковских психологов. Выступление Д. Б. Эльконина в прениях после докладов 18 декабря 1938 г. начинается словами: «Товарищи, меня главным образом интересовали здесь работы, представленные кафедрой психологии. Мне думается, что я не ошибусь, если скажу, что те доклады, которые мы заслушали, начиная от докладов, заслушанных на пленуме, и кончая секционными докладами, эти доклады представляют какую-то единую систему. Я бы сказал, что здесь можно [говорить] о складывающейся харьковской школе психологии, о харьковской психологической школе» (стр. 42–2). Приоритет Эльконина в использовании выражения «Харьковская школа» применительно к исследователям круга А. Н. Леонтьева подкрепляется рядом выступлений в прениях, последовавших за выступлением Эльконина. Так, например, С. Л. Рубинштейн заметил: «Говорить о харьковской школе только на том основании, что в ряде исследований пестрого состава бралась одна и та же проблема, а именно отношение к действительности, мне кажется, не приходится» (с. 48). Характерна также ремарка Божович: «мне кажется, что линия исследования, которая взята (*продолжая введенный термин* т. Эркини [sic; recte: Эльconiным]) *Харьковской психологической школой или складывающейся психологической школой* позволяет перевести психологию на линию построения действительно советской педагогической психологии» (с. 51-2).

Эльконин, по всей видимости, не знал о перипетиях вокруг «Харьковской школы» Залужного и зловещих коннотациях этого словосочетания для всех, знакомых с историей рефлексологии, психологии и педологии в Харькове. Можно предположить, что именно по причине знакомства с историческим контекстом посвященных в историю вопроса и нежелательной ассоциацией как с педологией, так и с разогнанной школой харьковских рефлексологов 1930-х гг., выражение «Харьковская школа» фактически не было известно до середины 1970-х гг., т. е. до тех пор, пока еще живы

¹¹ В своих комментариях к этой статье Б. Г. Мещеряков предложил название «квази-псевдонимность» для обозначения такого явления коллективного анонимного авторства.

¹² Автор этого очерка выражает свою признательность российско-американскому психологу Дмитрию Давыдову (Dimma Davidoff) за указание сходства научной практики этих двух групп исследователей.

были те, кто мог бы сказать: «Товарищи! Постановление 36-го года никто не отменял!» [17].

Остается надеяться, что эта публикация не оставит равнодушными как историков, так и психологов и языковедов, и повлечет за собой дальнейшие исследования и научные обсуждения конкретных экспериментальных, межличностных, общественных и дискурсивных форм, техник и механизмов научной практики ученых круга Выготского и взаимоотношения научной теории с этими практиками как при жизни Выготского, так и после его смерти.

Список аббревиатур

ХГПИ — Харьковский государственный педагогический институт (с 1945 г. — им. Г. С. Сковороды)

ХГПИИЯ — Харьковский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н. К. Крупской (основан в 1930 г. как Украинский институт лингвистического просвещения, переименован в ХГПИИЯ в 1934 г.)

ХГУ — Харьковский государственный университет (с 1936 г. — им. А. М. Горького)

УНДИП — Украинский научно-исследовательский институт педагогики (от укр. Український

науково-дослідний інститут педагогіки; украинская транслитерация сохранена здесь по традиции, заложенной еще А. Н. Леонтьевым, см., например: [19])

ХНИИП — Харьковский научно-исследовательского институт педагогики

УПНА — Украинская психоневрологическая академия

УПНИ — Украинский психоневрологический институт

Благодарности

Автор выражает свою признательность ректору Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды Ивану Федоровичу Прокопенко и сотрудникам архива Университета за поддержку и консультации. Исследование проведено при частичной поддержке фондов Social Sciences and Human Research Council of Canada (SSHRC) и Exchanges with Ukraine Endowment Fund, Canadian Institute of Ukrainian Studies (CIUS), University of Alberta, Canada, а также University of Toronto School of Graduate Studies Research Travel Grant.

Литература

1. XVII съезд ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. Электронная версия: http://www.hrono.info/vkpb_17/vkpb_17.html.

2. Арановская-Дубовис Д. М., Заика Е. В. Идеи А. В. Запорожца о развитии личности дошкольника // Вопросы психологии. 1995. № 5.

3. Басилова Т. А. О Соколянском и его методах обучения глухих и слепоглухих детей, так интересовавших Выготского // Культурно-историческая психология. 2006. № 3.

4. Бродский И. А. География зла (рецензия Бродского на английский перевод романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»). 1977. Электронная версия: http://www.krotov.info/library/02_b/rod/sky.htm.

5. Волошин П. В. История Украинского научно-исследовательского института клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии. 1994. Электронная версия: <http://www.psychiatry.org.ua/books/history/paper01.htm>.

6. Волошина Н. П., Марута Н. А. Институту неврологии, психиатрии и наркологии АМН Украины - 85 лет! // Международный неврологический журнал. 2007. № 13. Электронная версия: <http://neurology.mif-ua.com/archive/issue-109/article-112/print.html>.

7. Выготский Л. С. Фашизм в психоневрологии / Ред. Л. С. Выготский, В. А. Гиляровский, М. О. Гуревич, М. Б. Кроль, А. С. Шмарьян. М.; Л., 1934.

8. Гиневская Т. О. Воспоминания об А. В. Запорожце // А. В. Запорожец - человек и мыслитель. Воспоминания соратников, учеников и друзей. Материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. В. Запорожца (12.09.1905—07.10.1981) / Ред. Л. А. Парамонова М., 2005.

9. Госстатиздат. Культурное строительство СССР. М., 1956.

10. Дружников Ю. И. Фига в кармане как условие выживания (с. 241—264) // Дуэль с пушкинистами. Псков,

2004. Электронная версия: <http://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/8.html>.

11. Дубовис Д. М., Хоменко К. Е. Вопросы психологии художественного восприятия в трудах А. В. Запорожца (К 80-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1985. № 5.

12. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой М., 1971.

13. Залужный А. С. Учение о коллективе. М.; Л., 1930.

14. Запорожец А. В. Мастер: Воспоминания о Лесе Курбасе // Запорожец А. В. Избранные психологические произведения / Ред. В. В. Давыдов, В. П. Зинченко. Т. 1. М., 1986.

15. Зинченко П. И. Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1.

16. Катаева-Венгер А. А. Куда же мы мчались? Повесть о детстве и юности. 1994. Электронная версия: <http://1alex.5u.com/kata/kata-5.html>.

17. Кравцова Е. Е. С Выготским надо спорить // «Новая газета». № 90. 26—28.11.07 (приложение «Кентавр», № 7) 2007. Электронная версия: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/news/2007/1126-28a.htm>.

18. Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. Список печатных работ А. Н. Леонтьева // Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность / Ред. А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова. М., 2005.

19. Леонтьев А. Н. Материалы о сознании // Леонтьев А. Н. Философия психологии: Из научного наследия / Ред. А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев. М., 1994.

20. Леонтьев А. Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.; Л., 1931.

21. Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1976/1986. № 4.

22. Леонтьев А. Н. Автобиография // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / Ред. А. Е. Войскунский, А. Н. Ждан, О. К. Тихомиров М., 1999.
23. Леонтьев А. Н., Леонтьев А. А. Устная автобиография А. Н. Леонтьева // Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность / Ред. А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова. М., 1976/2005.
24. Леонтьев Д. А. «Ему было о чем молчать, и он наверно об очень многом молчал в своей жизни» // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. Электронная версия: http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-d_leon.htm.
25. Мемориал. Жертвы политического террора в СССР. Розенблум Анатолий Ильич. Электронная версия: <http://lists.memo.ru/d28/f218.htm#n55>.
26. Мещеряков Б. Г. Мнемические эффекты П. И. Зинченко // Культурно-историческая психология. 2009. № 2.
27. Савенко Ю. С. Леон Лазаревич Рохлин (1903–1984) // Независимый психиатрический журнал. 2003. № 2. Электронная версия: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/rokhlin.htm>.
28. Савенко Ю. С. Филипп Вениаминович Бассин - Вольтер отечественной психоневрологии (1905–1992) // Независимый психиатрический журнал. 2006. № 3. Электронная версия: <http://www.npar.ru/journal/2006/3/bassin.htm>.
29. Соколова Е. Е. Харьковская школа // Большой психологический словарь / Ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М., 2003.
30. Соколова Е. Е. Линии разработки идей Л. С. Выготского в Харьковской психологической школе // Культурно-историческая психология. 2007. № 1.
31. Степанов Ю. С. Стилистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
32. Стеценко А. П. Культурно-историческая теория деятельности в контексте современной психологии: Неклассический подход к «неклассической» теории // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Ред. А. А. Леонтьев. М., 2006.
33. Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара. 1928/1985 Электронная версия: http://az.lib.ru/t/tynjnow_j_n/text_0020.shtml.
34. Эльконин Д. Б. Воспоминания о соратнике и друге // А. Н. Леонтьев и современная психология: Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева / Ред. А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, О. В. Овчинникова, О. К. Тихомиров. М., 1983.
35. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931–1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.
36. Аснин В. І. Про умови надійності психологічного експерименту // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1941. Т. 6.
37. Даниленко В. М., Кузьменко М. Науково-педагогічна інтелігенція в роки голоду // Український історичний журнал. 2003. № 5.
38. Зінченко П. «Харківська педагогічна школа» і психологія // Комуністична освіта. Науково-педагогічний орган Наркомпросу УСРР 1934. № 10.
39. Кузьменко М. Архівні матеріали ЦДАГО України та ЦДАВО України з проблеми діяльності інституту червоної професури у 20-30-ті роки ХХ ст. // Схід. 2005. № 5. Електронна версія: http://revolution.allbest.ru/history/00014755_0.html.
40. Луков Г. Д. Про усвідомлювання дитиною мови в процесі гри // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1939. Т. 1.
41. Марочко В., Хілліз Г. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941). Київ, 2003.
42. Хоменко О. О. Розуміння художнього образу дитини молодшого віку // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1941. Т. 6.
43. Ярмаченко М. Д. Діяльність Інституту в умовах партійно-ідеологічного тиску // Інститут педагогіки: погляд через роки (До 75-річчя від дня заснування Українського науково-дослідного Інституту педагогіки) / Ред. В. М. Мадзігон, М. Д. Ярмаченко. Київ, 2002.
44. Clarke A., Fujimura J. (Ред.). (1992). The right tools for the job: At work in twentieth century life sciences. Princeton: Princeton University.
45. Cole M. Introduction: The Kharkov school of developmental psychology // Soviet psychology. 1980. Т. 18. № 2.
46. Haenen J., Galperin P. I. An interview with P. Ya. Gal'perin // Soviet psychology. 1989. Т. 27. № 3.
47. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
48. Kremenstov N. L. Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
49. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. Beverly Hills, CA: Sage, 1979.
50. Mescheryakov B. G. The Mnemic Effects of P. I. Zinchenko // Journal of Russian and East European Psychology. 2008. Т. 46. № 6.
51. Orwell G. Nineteen eighty-four. London, UK: Secker & Warburg, 1949.
52. Van der Veer R., Valsiner J. The Vygotsky reader. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1994.
53. Yasnitsky A., Ferrari M. From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2008. Т. 44. № 2.
54. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // History of Psychology. 2008. Т. 11. № 2.

Essay on History of Kharkov Psychological School: First Scientific Session of the Kharkov State Pedagogical Institute and the Emergence of «the Kharkov Psychological School» (1938)

A. Yasnitsky

The present article precedes the publication of archival materials: the talks of P. Ya. Galperin and P. I. Zinchenko at the scientific session of the Kharkov State Pedagogical Institute in 1938 and sets the historical context of this scientific forum and speeches of Kharkov psychologists. The author discusses the linguistic features of the scientific discourse in the Soviet Union in the 1930s and introduces the concept of «scientific double-speech». This concept results from the scientific text's author orientation on the «dual-recipient». On the one hand it is the state censorship authorities and on the other — the real scientific audience. The hypothesis of an anonymous collective co-authorship («quasi-pseudonymness», B. Meshcheryakov) of a number of scientific texts traditionally attributed to only one of the real authors is introduced. Finally, the article discusses the time of creation of the scientific construct of «Kharkov Psychological School» and the suggested headship of D. B. Elkonin in its constitution.

Keywords: Kharkov Psychological School, Kharkov Pedagogical School, History of Science Methodology, Scientific Practices, Discourse, Double-Speech, Anonymous Collective Co-Authorship, Quasi-Pseudonymness, Psychology of Memory, P. I. Zinchenko, P. Ya. Galperin, A. N. Leontiev, L. S. Vygotsky, A. S. Zaluzhnyy.

References

1. XVII s'ezd VKP(b) 26 yanvarya — 10 fevralya 1934 g. Stenograficheskiy otchet. Elektronnaya versiya: http://www.hrono.info/vkpb_17/vkpb_17.html.
2. *Aranovskaya-Dubovis D. M., Zaika E. V. Idei A. V. Zaporozhza o razvitii lichnosti doshkol'nika // Voprosy psichologii. 1995. № 5.*
3. *Basilova T. A. O Sokolyanskom i ego metodach obucheniya gluchich i slepogluchich detey, tak interesovavshich Vygotskogo // Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2006. № 3.*
4. *Brodskiy I. A. Geografiya zla (rezenziya Brodskogo na angliyskiy perevod romana A. I. Solzhenizyna «Archipelag GULAG»). 1977. Elektronnaya versiya: http://www.krotov.info/library/02_b/rod/sky.htm.*
5. *Voloshin P. V. Istoriya Ukrainskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta klinicheskoy i eksperimental'noy nevrologii i psichiatrii. 1994. Elektronnaya versiya: <http://www.psychiatry.org.ua/books/history/paper01.htm>.*
6. *Voloshina N. P., Maruta N. A. Institutu nevrologii, psichiatrii i narkologii AMN Ukrainy - 85 let! // Mezhdunarodnyy nevrologicheskyy zhurnal. 2007. № 13. Elektronnaya versiya: <http://neurology.mif-ua.com/archive/issue-109/article-112/print.html>.*
7. *Vygotskiy L. S. Fashizm v psichonevrologii / Red. L. S. Vygotskiy, V. A. Gilyarovskiy, M. O. Gurevich, M. B. Krol', A. S. Shmar'yan. M.; L., 1934.*
8. *Ginevskaya T. O. Vospominaniya ob A. V. Zaporozhze // A. V. Zaporozhez - chelovek i myslitel'. Vospominaniya soratnikov, uchenikov i druzey. Materialy mezhdunarodnoy yubileynoy nauchnoy konferenzii, posvyaschennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Zaporozhza (12.09.1905—07.10.1981) / Red. L. A. Paramonova M., 2005.*
9. Gosstatizdat. Kul'turnoe stroitel'stvo SSSR. M., 1956.
10. *Druzhnikov Yu. I. Figa v karmane kak uslovie vyzhivaniya (s. 241—264) // Duel' s pushkinistami. Pskov, 2004. Elektronnaya versiya: <http://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/8.html>.*
11. *Dubovis D. M., Chomenko K. E. Voprosy psichologii chudozhestvennogo vospriyatiya v trudach A. V. Zaporozhza (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) // Voprosy psichologii. 1985. № 5.*
12. *Esakov V. D. Sovetskaya nauka v gody pervoy pyatiletki: Osnovnye napravleniya gosudarstvennogo rukovodstva naukoym, 1971.*
13. *Zaluzhnyy A. S. Uchenie o kollektive. M.; L., 1930.*
14. *Zaporozhez A. V. Master: Vospominaniya o Lese Kurbase // Zaporozhez A. V. Izbrannyye psichologicheskie proizvedeniya / Red. V. V. Davydov, V. P. Zinchenko. T. 1. M., 1986.*
15. *Zinchenko P. I. Problema neproizvol'nogo zapominaniya // Nauchnye zapiski Char'kovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov. 1939. T. 1.*
16. *Kataeva-Venger A. A. Kuda zhe my mchalis'? Povesť o detstve i yunosti. 1994. Elektronnaya versiya: <http://1alex.5u.com/kata/kata-5.html>.*
17. *Kravtsova E. E. S Vygotskim nado sporit' // «Novaya gazeta». № 90. 26—28.11.07 (prilozhenie «Kentavr», № 7) 2007. Elektronnaya versiya: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/news/2007/1126-28a.htm>.*

18. *Leont'ev A. A., Leont'ev D. A., Sokolova E. E.* Spisok pechatnykh rabot A. N. Leont'eva // *Aleksey Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' / Red. A. A. Leont'ev, D. A. Leont'ev, E. E. Sokolova. M., 2005.*
19. *Leont'ev A. N.* Materialy o soznanii // *Leont'ev A. N. Filosofiya psichologii: Iz nauchnogo naslediya / Red. A. A. Leont'ev, D. A. Leont'ev. M., 1994.*
20. *Leont'ev A. N.* Razvitie pamyati. Eksperimental'noe issledovanie vysshich psichologicheskikh funkziy. M.; L., 1931.
21. *Leont'ev A. N.* Problema deyatel'nosti v istorii sovetskoy psichologii // *Voprosy psichologii. 1976/1986. № 4.*
22. *Leont'ev A. N.* Avtobiografiya // *Tradizii i perspektivy deyatel'nostnogo podchoda v psichologii: shkola A. N. Leont'eva / Red. A. E. Voyskunskiy, A. N. Zhdan, O. K. Tichomirov M., 1999.*
23. *Leont'ev A. N., Leont'ev A. A.* Ustnaya avtobiografiya A. N. Leont'eva // *Aleksey Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' / Red. A. A. Leont'ev, D. A. Leont'ev, E. E. Sokolova. M., 1976/2005.*
24. *Leont'ev D. A.* «Emu bylo o chem molchat', i on naver-no ob ochen' mnogom molchal v svoey zhizni» // *Zhurnal prakticheskogo psichologa. 2003. № 1–2. Elektronnaya versiya: http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-d_leon.htm.*
25. Memorial. Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR. Rozenblyum Anatoliy Il'ich. Elektronnaya versiya: <http://lists.memo.ru/d28/f218.htm#n55>.
26. *Mescheryakov B. G.* Mnemicheskie efekty P. I. Zinchenko // *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2009. № 2.*
27. *Savenko Yu. S.* Leon Lazarevich Rochlin (1903–1984) // *Nezavisimyy psichiatricheskyy zhurnal. 2003. № 2. Elektronnaya versiya: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/rokhlin.htm>.*
28. *Savenko Yu. S.* Filipp Veniaminovich Bassin - Vol'ter otechestvennoy psichonevrologii (1905–1992) // *Nezavisimyy psichiatricheskyy zhurnal. 2006. № 3. Elektronnaya versiya: <http://www.npar.ru/journal/2006/3/bassin.htm>.*
29. *Sokolova E. E.* Char'kovskaya shkola // *Bol'shoy psichologicheskyy slovar' / Red. B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. M., 2003.*
30. *Sokolova E. E.* Linii razrabotki idey L. S. Vygotskogo v Char'kovskoy psichologicheskoy shkole // *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2007. № 1.*
31. *Stepanov Yu. S.* Stilistika // *Lingvisticheskyy ekziklopedicheskyy slovar' / Red. V. N. Yarzeva. M., 1990.*
32. *Stezenko A. P.* Kul'turno-istoricheskaya teoriya deyatel'nosti v kontekste sovremennoy psichologii: Neklassicheskyy podchod k «neklassicheskoy» teorii // *Psichologicheskaya teoriya deyatel'nosti: vchera, segodnya, zavtra / Red. A. A. Leont'ev. M., 2006.*
33. *Tynyanov Yu. N.* Smert' Vazir-Muchtara. 1928/1985 Elektronnaya versiya: http://az.lib.ru/t/tynjanow_j_n/text_0020.shtml.
34. *El'konin D. B.* Vospominaniya o soratnike i druge // *A. N. Leont'ev i sovremennaya psichologiya: Sbornik statey pamyati A. N. Leont'eva / Red. A. V. Zaporozhez, V. P. Zinchenko, O. V. Ovchinnikova, O. K. Tichomirov. M., 1983.*
35. *Yasnizkiy A.* Ocherk istorii Char'kovskoy shkoly psichologii: period 1931–1936 gg. // *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya. 2008. № 3.*
36. *Asnin V. I.* Pro umovi nadiynosti psichologichnogo eksperimentu // *Naukovi zapiski Charkivs'kogo derzhavnogo pedagogichnogo institutu. 1941. T. 6.*
37. *Danilenko V. M., Kuz'menko M.* Naukovo-pedagogichna intelligenziya v roki golodu // *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal. 2003. № 5.*
38. *Zinchenko P.* «Charkivs'ka pedagogichna shkola» i psichologiya // *Komunistichna osvita. Naukovo-pedagogichniy organ Narkomprosu USRR 1934. № 10.*
39. *Kuz'menko M.* Archivni materialy ZDAGO Ukraïni ta ZDAVO Ukraïni z problemi diyal'nosti institutu chervonoï profesuri u 20-30-ti roki ChCh st. // *Schid. 2005. № 5. Elektronnaya versiya: http://revolution.allbest.ru/history/00014755_0.html.*
40. *Lukov G. D.* Pro usvidomlyuvannya ditinoyu movi v prozesi gri // *Naukovi zapiski Charkivs'kogo derzhavnogo pedagogichnogo institutu. 1939. T. 1.*
41. *Marochko V., Chillig G.* Represovani pedagogi Ukraïni: zhertvi politichnogo teroru (1929–1941). Kiïv, 2003.
42. *Chomenko O. O.* Rozuminnya chudozhn'ogo obrazu dit'mi molodshogo viku // *Naukovi zapiski Charkivs'kogo derzhavnogo pedagogichnogo institutu. 1941. T. 6.*
43. *Yarmachenko M. D.* Diyal'nist' Institutu v umovach partiyno-ideologichnogo tisku // *Institut pedagogiki: poglyad cherez roki (Do 75-richchya vid dnya zasnuvannya Ukrains'kogo naukovo-doslidnogo Institutu pedagogiki) / Red. V. M. Madzigon, M. D. Yarmachenko. Kiïv, 2002.*
44. *Clarke A., Fujimura J. (Red.). (1992).* The right tools for the job: At work in twentieth century life sciences. Princeton: Princeton University.
45. *Cole M.* Introduction: The Kharkov school of developmental psychology // *Soviet psychology. 1980. T. 18. № 2.*
46. *Haenen J., Galperin P. I.* An interview with P. Ya. Gal'perin // *Soviet psychology. 1989. T. 27. № 3.*
47. *Knorr-Cetina K.* The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press, 1981.
48. *Krementsov N. L.* Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
49. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory life: The social construction of scientific facts. Beverly Hills, CA: Sage, 1979.
50. *Mescheryakov B. G.* The Mnemic Effects of P. I. Zinchenko // *Journal of Russian and East European Psychology. 2008. T. 46. № 6.*
51. *Orwell G.* Nineteen eighty-four. London, UK: Secker & Warburg, 1949.
52. *Van der Veer R., Valsiner J.* The Vygotsky reader. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1994.
53. *Yasnitsky A., Ferrari M.* From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2008. T. 44. № 2.*
54. *Yasnitsky A., Ferrari M.* Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology. 2008. T. 11. № 2.*